
Евгений КАМИНСКИЙ

* * *

Зубы накрепко сжав, видел, как бронзовела держава,
бредил ширью колючей в шеренге, на цырлы привстав.
Если честно сказать, я на птичье рассчитывал право
лишь посмертно прорваться поверх рубежей и застав.

Только пал Вавилон. И отныне, свободный как птица,
я над миром парил, но не дальше, чем дым от трубы,
потому что от чаши своей не посмел откреститься,
не пошел на подлог и подделку скрижалей судьбы.

Потому что я нужен был здесь, где все страшное наше
поднималось уже и откуда, как Волга, Ока,
потекли все, что вдруг наотрез отказались от чаши,
будто где-то другая не так для них будет горька.

Те, что все позабыв, оборвав здесь все то, что держало,
от костей и обломков отрекшись, опять и опять
прилепиться мечтали к какой-нибудь хлебной державе,
где ни бронзы тебе, ни шеренг — лишь восторг потреблять.

Жизнь бежала в песок, как вода, не найдя себе дела.
Время шло под откос. Выходили народы в тираж...
и держал рубежи я, где солнце порой бронзовело
на костях и обломках да реял свободы мираж.

* * *

Когда еще мрак... А пока
гляди, забывая про сроки,
туда, где плывут облака
невольно, как первые строки,

где правит не сила ума,
не денег подъемная сила,
но — тайно — свобода сама
железной рукой, как Аттила.

Евгений Юрьевич Каминский родился в 1957 году. Поэт, прозаик, переводчик. Автор одиннадцати книг стихотворений и нескольких книг прозы. Публиковался в журналах «Октябрь», «Звезда», «Юность», «Литературная учеба», «Волга», «Урал», «Крещатик», «Дети Ра», «День и ночь», «Плавучий мост», «Зинзивер», «Дружба народов» и других, в альманахах «День поэзии», «Поэзия», в «Литературной газете». Участник поэтических антологий «Поздние петербуржцы», «Строфы века» и многих других. Лауреат премии Гоголя за 2007 год. Лауреат Пятого всероссийского конкурса гражданской лирики им. Некрасова (2021), победитель Четвертого международного тургеневского фестиваля «Бежин луг» в номинации «поэзия» (2021) Живет в Санкт-Петербурге.

Где участь уже — не печать.
Где стоит тебе очутиться —
и можешь в себе ощущать
для счастья рожденную птицу.

Где разуму больше не внять,
как будто наложено вето,
где время себя потерять,
поскольку нашел в себе это.

Где вправе, наверно, любой
как жертва любви близорукой
век этот принять за другой,
в котором вам счастье порукой,

где нет ни разлук, ни утрат,
и всяк — от варяга до грека —
ту птицу нести в себе рад,
не пряча в себе человека.

* * *

Что толку слог гранить, старея,
скрипеть пером, проснулся лишь?!
Кого теперь прельстишь хореем
или анапестом сразишь?!

Примерно так литература
тебе в двухтысячных лгала:
мол, что народ? — толпа и дура,
ей лишь бы потрещать слова.

Но вещь в себе, как Брахмапутра,
сопротивлялся ты, сиречь:
скрипел пером своим все утро,
чтоб раскалить себя, как печь,

порядок слов менял в надежде
найти единственный тот слог,
которым смысл, сокрытый прежде,
ты и толпе открыть бы мог...

Но миновали нулевые,
и вот, прощения прошу,
уже не лица всюду — выи
тех, что весь день жуют лапшу.

Влачишься Пушкиным в пустыне,
духовной жаждою томим.
Стихи? А вдруг лапша простынет...
Не до стихов жующим им.

Стоишь Некрасовым в Корее,
льет в уши яд свой вечный враг:
«Зачем жующим ямб с хореем,
когда у них есть „Доширак“?!»

На что им жизни смысл сокрытый
в тот исторический момент,
когда есть полное корыто
и всем обещан хеппи-энд?!»

* * *

Сбежать бы в поселок у моря,
где снасти воняют гнильем,
где пьют виноградное с горя
и манят дешевым жильем.

Где смотрят хозяйки глумливо
и глаз округляют слегка,
однажды как дивное диво
увидев в тебе мужика.

Где можно прожить незаметно
под солнцем, за жизнь не борясь,
в дешевом дыму сигаретном
топча вековечную грязь.

Без цели, без дел, без заботы
о детях, манерах... С тебя
довольно и этой работы:
дышать, жизнь одну лишь любя,

на дикие глядя пейзажи
в окно поутру неглиже,
не помня, кем был ты, и даже
не зная, зачем ты, уже.

* * *

Что нам суждено, то и будет?
Так что ж нам тут гнуться, дрожа?!
А как там живется Иуде,
где вечность ест грешных с ножа?

Где жизни, хоть вывернись, нету
и больше нельзя умереть.
где вам даже мысленно к свету
тянуться не велено впредь?

Где жмут, обжигают и жалят
и жить, обжигая, велят,
где всей вашей злобы скрижали
пред вами горят и горят.

Где ужас и тьма вперемешку,
но где поменять уж нельзя
весь ужас прошедшую пешку
хотя бы на тень от ферзя...

* * *

Эпоха вражды и раздора,
затянутых в кожу жлобов...
Нет, злобы такой и позора
ни знал даже волчий Тамбов.

Матросская даже Находка,
Норильск, Воркута, Магадан,
где делали бабы и водка
счастливым тебя вдрабадан...

Но та — где был счастлив — минула
со всеми своими табу.
А эта приставила дуло
с вороньим отливом ко лбу.

А эта тебя заказала
затянутым в кожу жлобам
в пивной и в буфете вокзала...
А где ж еще грезить рабам?!

Чтоб не было только так плохо
от тех завиральных идей,
которыми была эпоха
прямою наводкой людей,

свободой давила державу,
лежавшую всюду во зле,
и уж никого не держала
из живших на этой земле.

* * *

Будет ливень грозовой.
Горизонт вступает гулко:
трубы, тубы и гобой...
Не пойти ли нам с тобой
в этот ливень на прогулку?

Что нам ливень?! Черный зонт
на хозяев поишачит.
А пока вдыхаем йод,
нам с тобой ква-ква споет
с кочки тенор лягушачий.

Не достаточно просты
мы для счастья. Я б в тетради
оставлял лишь те листы,
где и в дождь со мною ты,
ну, хотя бы Христа ради.

Ах, та общая тетрадь!
Тем, кому бы жить попроще,
чтоб вкушать тут благодать,
а не порознь страдать,
нет важней тетради общей.

Да, цена ей, может, грош!
Но останется в тетрадке:
«Мы с тобой гуляли в дождь.
Ты шипела мне: „Не трожь!“
И в меня вжималась сладко...»